

крепления, изъятия, сохранения и исследования информации на данных носителях.

На мой взгляд, рационально было бы последовать примеру Российской Федерации и закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь обязательное участие специалиста, обладающего соответствующими познаниями в области компьютерных технологий, при проведении осмотра цифровых носителей информации, их выемки и обыске.

Литература

1. *Белкин А. Р.* Новеллы уголовно-процессуального законодательства – шаги вперед или возврат на проверенные позиции? // *А. Р. Белкин // Уголовное судопроизводство.* – 2013. – №3. – С.25.
2. *Зуев С. В.* Копирование информации в теории и практике уголовного процесса / *С. В. Зуев, Д. В. Овсянников // Вестник Самарского государственного университета.* – 2014. – №2. – С.168-171.
3. О внесении изменений: Федеральный закон Российской Федерации от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ [Электронный ресурс] / Официальный интернет-портал правовой информации. – Минск, 2016. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 01.04.2016.
4. *Семенцов В. А.* Следственные действия в досудебном производстве. (Общие положения теории и практики): монография / *В.А. Семенцов.* – Екатеринбург: Урал.госуд.юр.акад., 2006. – 289 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июн. 1999 г.: одобр. Совет Респ. 30 июн. 1999 г. с изм. и доп. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 22 нояб. 2001 г.: одобр. Совет Федерации 5 дек. 2001 г. с изм. и доп. [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177263/ . – Дата доступа: 03.04.2016.
7. A Simplified Guide To Digital Evidence [Электронный ресурс] // *Crime Scene Investigator Network.* – 2016. – Режим доступа: <http://www.crime-scene-investigator.net/SimplifiedGuideDigitalEvidence.pdf> . – Дата доступа: 01.04.2016.

КОНЦЕПЦИЯ РЕСУРСНОГО ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

М. С. Стефанович

Длительная трансформация политических и экономических систем на постсоветском пространстве позволяет делать некоторые выводы. Вот, пожалуй, важнейший из них: несмотря на формально равные стартовые условия, страны региона показывают совершенно разную институциональную глубину реформ. Не меньше отличаются и политические режимы.

Очевидно, что причин здесь великое множество. И именно поэтому важно изучить концепции, которые в состоянии пролить свет на проблемные вопросы транзитологии. Одной из таких теоретических моделей является «ресурсное государство».

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РЕСУРСНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Остановимся на взаимосвязи социокультурного типа, политического режима той или иной страны, возникшей на осколках СССР, и ресурсной организации государства и общества.

В упрощенном виде эта закономерность звучит следующим образом: *до тех пор, пока политическая система функционирует за счет получения и перераспределения природоресурсной ренты, вероятность перехода к либеральной демократии и капитализму исчезающе мала.*

Это не означает непреодолимое ресурсное проклятие. Речь лишь о том, что если в рамках рыночной системы обнаруживаются большие запасы того или иного ресурса, то это не приводит к деформации экономики и политической сферы, а стимулирует предпринимателей к направлению соответствующей части капитальных благ для его освоения. В природоресурсной же модели все с точностью наоборот: происходит подавление рыночных институтов через механизмы публичного властвования.

Развитие легальных спонтанных порядков полностью или частично блокируется, и теневая, коррупционная их форма становится наиболее вероятной. Этатизм является неотъемлемой частью такой системы. Это подавление происходит в том числе путем ликвидации института частной собственности, который, формально существуя, на деле трансформируется в предмет временного пользования.

Именно сращивание государства и собственности приводит к восприятию ресурсным государством чужой собственности как своего ресурса. И наоборот: узкий круг приближенных к властным структурам лиц будет воспринимать государственные активы как средство достижения своих целей.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Термин «ресурсное государство» следует понимать в узком и широком смысле.

В узком смысле, это модель государственности, при которой ключевой элемент существования – получение ренты от продажи природных ресурсов.

В *широком* смысле ресурсная модель связана с особым типом властеотношений, которые строятся на восприятии подчиненного государству населения как особой разновидности ресурса. Все, что государство в рамках такой модели сможет подчинить своей воле, немедленно становится его ресурсной базой (например, недавняя национализация российской компании «Башнефть»). Иначе говоря, такая модель воспроизводит феодальную парадигму отношений, в рамках которой сила выступает главным ресурсом. Все остальное, в том числе декларативные заявления о капиталистическом характере экономики, является не более чем симулякром, скрывающим сущность системы.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Эти закономерности подтверждаются эмпирическими исследованиями. Например, ежегодным Индексом демократии, составляемым журналом *The Economist*.

К демократиям авторы рейтинга относят следующие страны на постсоветском пространстве: Эстония, Литва, Латвия, Молдова.

К переходным режимам: Украина, Грузия, Кыргызстан, Армения.

К авторитарным режимам: Россия, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан. [1]

Группа демократических стран имеет явный недостаток природных ресурсов, переходные страны располагают уже большими их объемами. А группа стран с авторитарными режимами имеет явную ресурсную ориентацию.

Здесь необходимо уточнить, что в случае с Беларусью имеет место феномен вторичной ренты, которая связана с переработкой получаемого из России сырья.

Ресурсные репрессии и депрессии

Ресурсное государство, будучи крайне неэффективной формой организации социального управления, обнаруживает значительную нестабильность. Пока ресурсная база позволяет воспроизводить модель, она существует в двух состояниях: репрессии и депрессии.

Репрессия – это усиление централизованного перераспределения ресурсов (и вследствие этого их неэффективное использование). На этом этапе преобладает мобилизационная модель управления: полисимейкеры стремятся всячески освоить максимальный объем ресурса, в том числе административного.

Однако репрессия неизбежно сменяется *депрессией*, которая наступает в результате истощения ресурсной базы (что абсолютно логично, так

как централизованный механизм управления экономическими процессами отрицательно сказывается на эффективности освоения ресурсов). На этапе депрессии происходит снижение степени централизации, ключевая роль в освоении ресурсной базы переходит от высших эшелонов власти к региональным кланам, преступным организациям, иным неортодоксальным структурам.

Типичной иллюстрацией этапа депрессии является положение в Украине после Евромайдана. Оно характеризуется резким ослаблением централизованного распределения ресурсов и соответственным усилением региональных, альтернативных центральному правительству, центров силы. Впрочем, после снятия с должности председателя Днепропетровской ОГА Игоря Коломойского, по-видимому, можно говорить о начале постепенного перехода к фазе репрессии.

Аналогичное положение было и в 1990-е годы во многих странах СНГ.

Депрессию не следует путать с подлинной либерализацией, институциональной трансформацией: никакого реального перехода в правовое поле не происходит. Напротив, на этом этапе может возрасти уровень преступности, откровенного насилия. Депрессия сопровождается отходом от централизованного интервенционизма к синдикалистской модели, восходящей еще к средневековым цехам и гильдиям. Затем депрессия может перейти в стадию репрессии и так далее.

Несмотря на то, что эта концепция была сформирована применительно к российским реалиям, ее вполне можно использовать в отношении всех потестарных государств (по терминологии школы юридического либертаризма). Так, например, репрессивно-депрессивный сценарий многократно реализовывался в истории Китая. Репрессивные системы периода Цинь, Хань, Суй, Тан, Мин, Цин, Чан Кайши, коммунистической системы, сменялись депрессиями периода Сражающихся царств, Чу, Троецарствия, Ляо, Бэйянского правительства. Сходная ситуация наблюдалась в истории Японии, Индии и других потестарных государств.

Нельзя сказать, что рыночные отношения отсутствуют в этой модели. Они просто носят своеобразный характер, который отражает теория административных рынков. В рамках административного рынка происходят специфические транзакции, предметом которых является благоприятное для актора властное решение.

Можно ли выйти из ресурсной модели?

В рамках выявленной закономерности на постсоветском пространстве выход из модели ресурсного государства возможен лишь в случае резкого и долговременного снижения ресурсной базы. Это может произойти в результате исчерпания природных ресурсов (что маловероятно) или зна-

чительного падения цен на тот или иной ресурс. В этом случае появляется шанс ребалансировки политической системы, в результате которой на передний план выходят собственно капиталистические, правовые формы организации экономической или любой другой человеческой деятельности.

Разумеется, как и любая другая закономерность, эта концепция является лишь идеальной конструкцией, теорией среднего уровня, которая может корректироваться в реальных условиях. Исходные теоретические посылки в этой области сформулировал российский социолог Симон Кордонский, который убежден, что подобная закономерность работает, в первую очередь, в российских реалиях.

Однако пришло время значительно углубить и развить эту концепцию и попытаться применить ее к другим отстающим в проведении структурных реформ странам. Более того, эта модель неплохо коррелирует с выводами австрийской школы. В синтезе с междисциплинарным синергетическим подходом, теорией спонтанных порядков Фридриха фон Хайека, отдельными направлениями неоинституционализма, это может дать существенный прикладной результат.

Литература

1. Интернет-адрес: <http://gtmarket.ru/ratings/democracy-index/info>.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБСУЖДЕНИЯ КАК ФОРМА УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ

А. Ю. Суценыя

Одним из наиболее значимым экологическим правом граждан является возможность их участия в процессе решений, связанных с окружающей средой. Данное право закреплено в Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [1]. Национальное законодательство содержит в различных правовых актах отдельные формы такого участия (общественная экологическая экспертиза, общественные обсуждения в рамках процедуры оценки воздействия на окружающую среду, обсуждение вопросов планируемого удаления, пересадки объектов растительного мира в населенных пунктах), что не представляется достаточным для реализации рассматриваемого права [5,6,7]. Для устранения имеющихся пробелов был принят Закон Республики Беларусь от 24 декабря 2015 года «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам охраны